

ственно сельским хозяйством и постоянно жили на одном месте. Какие бы то ни были следы аграрного коммунизма (если он вообще когда-либо существовал) исчезли, возникла частная собственность на землю (институт частной собственности получил уже общее признание), предоставлявшуюся отдельным семьям, группам семей или деревням. Германцам совсем не был свойственен тот анархический индивидуализм, который многие исследователи считали одной из основных характерных черт германской цивилизации, обычно противопоставляемой римскому строю с его гипертрофией государственности. Наоборот, у германцев существовало уже довольно сложное государственное устройство, несмотря на то, что многочисленные германские племена (*populi*) еще не объединялись в федерацию и еще не возникли города, которые благодаря своей большой притягательной силе стимулировали бы производительную деятельность населения окрестной сельской территории. У германцев сложилась своего рода социальная иерархия, являвшаяся естественным дополнением их политической организации. Низшую ступень этой иерархии составляли рабы, очень близкие по своему положению к римским рабам, посаженным на землю: следующую ступень составляли полусвободные, более высокую — свободные, которые несли военную службу и участвовали в народном собрании; наконец, высшую ступень — знать, которая совместно с сословием жрецов составляла королевский совет.

Несмотря на то, что германцы времен Тацита (и даже три столетия спустя) сильно отставали от римлян в своем развитии, поскольку у них, например, не было городов, они не знали писаного права, денег и т. д., тем не менее в основном их цивилизация по своему характеру отнюдь не отличалась от римской, а представляла собой только более раннюю стадию развития, которую другие народы индогерманской расы, жившие на территории империи, прошли в VI или V веках до нашей эры. И подобно тому, как в действительности не было никакого столкновения двух якобы противоположных цивилизаций, не было также, как это показал Фюстель де Куланж, земельного голода, а равно и той ненависти к Риму, которая будто бы побудила германцев выступить против него. Свидетельства разных авторов, даже тех, которые по происхождению своему сами были германцами, показывают при-